

Конфуцианский порядок в Восточной Азии: значение для теории международных отношений

Confucian Order in East Asia: Implications for International Relations Theory

В статье анализируются ключевые особенности конфуцианского (китаецентричного) регионального порядка в Восточной Азии. Основными задачами работы являются выявление ключевых отличий между традиционным европейским и восточноазиатским порядком, а также определение того, насколько понимание особенностей традиционного регионального порядка в Восточной Азии может обогатить исследования международных отношений в целом. В качестве основных особенностей восточноазиатского порядка отмечаются официальное неравенство участников, даннические отношения, относительно низкий уровень конфликтности во взаимоотношениях между основными участниками. Автор приходит к выводу, что понимание особенностей традиционного китаецентричного порядка является актуальным как для зарождающейся китайской школы в теории международных отношений, так и для уже устоявшихся парадигм на Западе.

Ключевые слова: *конфуцианский порядок, восточноазиатский региональный порядок, международная иерархия, данническая система, китаецентризм, мироустроительная монархия, китайская школа в теории международных отношений, незападные подходы в теории международных отношений*

The article describes major distinctive features of the Confucian (Sinocentric) East Asian traditional regional order. The first objective of this study is to assess specific features of the Confucian order and to describe its differences from the European one. The major distinctiveness lies in the following aspects: formal inequality and hierarchy amid the participants, the tributary system and relatively peaceful relations among the main actors. The second objective of this study is to consider how exactly the understanding of the specific features of the Confucian regional order in East Asia can enrich the science of international studies in general. The author comes to the conclusion that the knowledge of the Sinocentric regional order has a certain utility both for Chinese and Western schools in the International Relations Theory.

Key words: *Confucian order, East Asian regional order, international hierarchy, the tributary system, sinocentrism, world-framing monarchy, Chinese school of International Relations Theory, Non-Western International Relations Theory*

Введение

История играет важную роль в теории международных отношений (ТМО). Рассматривая и анализируя те или иные исторические факты, ТМО выявляет тенденции и формулирует закономерности в междуна-

родных отношениях. Логично предположить, что для обнаружения действительно универсальных закономерностей международно-политического характера, в ТМО должны учитываться исторические события в разных регионах мира – ведь только так можно определить тенденции, имеющие всеобщий характер. Однако на деле большинство концепций и подходов в рамках ТМО в этом отношении отличаются односторонностью, так как используют в основном исторический опыт стран Запада [19, с. 53].

Так, К. Уолтц считал, что теории в сфере международных отношений должны опираться на анализ поведения великих держав эпохи и анализировать исторические процессы, связанные с ними. А так как, начиная с процессов колонизации XV-го века, наиболее сильными державами в мире были западные страны, то получалось, что опираться нужно на западный исторический опыт. Попытка сформировать теорию на основе исторического опыта других стран, по его мнению, была бы нелепой [26, с. 73]. Таким образом, получается, что исторические особенности взаимоотношений между государствами в Азии или Африке не должны представлять существенной значимости для теоретика международных отношений. Дж. Миршаймер также верифицирует ключевые положения своей теории наступательного реализма с опорой на исторические процессы в западном мире [23].

Упор на анализ истории Запада и своеобразная «дискриминация» исторического процесса на Востоке обедняет и лимитирует возможности ТМО, так как из её поля выпадает целый спектр исторических явлений и особенностей. Экстраполяция западной истории на анализ международной ситуации в других регионах мира также вызывает вопросы. А. Фридберг, проводя параллели между историческим развитием европейских государств и странами Восточной Азии, приходит к выводу о том, что регион «созрел» для соперничества и конфликтов [15]. Расходясь во мнении о возможных будущих моделях для международного порядка в Восточной Азии, А. Ачарья и Д. Кан считают, что заявление о том, что международные отношения в этом регионе будут развиваться по сценарию, аналогичному европейскому, ошибочно и не учитывает саму специфику международных отношений в регионе [7; 17]. Например, теория баланса сил, в целом успешно объясняющая развитие международной ситуации и исторических процессов в Европе, не проходит верификацию в случае попытки её применения к анализу международных отношений в других регионах [8, с. 191–195].

В силу значительного экономического подъёма стран Восточной Азии и последовавшего за ним роста политической значимости входящих в неё государств, прошлое и настоящее региона не обделено вниманием со стороны экспертного сообщества. Исторические особенности региона, в частности, *иерархический характер межгосударственных отношений* были проанализированы многими авторами [3; 12; 16]. В рамках ведущих западных подходов в ТМО говорится о международной анархии, а поведение государств на международной арене сравнивается со сталкивающимися бильярдными шарами [27, с. 19]. Как будет показано далее в этой статье, такого рода аллегории абсолютно не применимы к описанию характера международных отношений в традиционной Восточной Азии.

На сегодняшний день тематика международной иерархии (как де-юре, так и де-факто) в рамках традиционного китаецентричного регионального порядка в Восточной Азии и его исторические особенности обсуждается как в рамках дискурса зарождающейся «теории междуна-

родных отношений с китайской спецификой»¹ [13; 24, с. 329–331; 35; 36], так и за его пределами [16; 18; 34].

Нашей задачей является ответ на два концептуальных вопроса:

В чем состоят ключевые отличия между традиционным западным и восточноазиатским международным порядком?

Насколько понимание особенностей традиционного международного порядка в Восточной Азии может обогатить исследования международных отношений в целом?

Данническая система как основа регионального порядка в Восточной Азии

Международный порядок – это порядок, который складывается между всеми странами мира, всю совокупность которых можно назвать международным сообществом. При выделении в международном сообществе определённой автономной части и рассматривая упорядоченные отношения внутри неё, можно говорить о таком термине и явлении, как миропорядок. Согласно А.Д. Богатурову, такой порядок регулируется не только на основе принципа соотношения потенциалов, но и благодаря общепризнанным в рамках данной группы моральным нормам, этическим ценностям, правилами поведения, которыми они сознательно и добровольно следуют при взаимоотношениях друг с другом [1, с. 6]. Британский исследователь Р. Купер предложил свои варианты интерпретации порядка в международных отношениях. Во-первых, это преобладающий тип внешнеполитического поведения государств; во-вторых, определённая степень стабильности и целостности системы; в-третьих, его можно понимать как правила, которые управляют системой и поддерживают её в состоянии стабильности [1, с. 8].

Применительно к описанию регионального порядка в Восточной Азии обычно используется термин «данническая система» (англ. tributary system). На уровне идеи данническая система опиралась на мировоззрение *китаецентризма*, согласно которому Китай был единственным в мире центром цивилизации и культуры, «срединным государством», окружённым варварами. Китайцы традиционно воспринимали мир как единую «Поднебесную» (от кит. *тянься*), *не разделённую государственными границами*. Существует мнение, что для традиционного китайского мировоззрения не существовало такого понятия как «международный» [24, с. 322–324]. Практика контактов Китая с окружающими его «варварами» показывает, что к окружающим народам и государствам отношение было такое же, как и к собственным китайским провинциям, только более низкого уровня [4, с. 222]. При этом, в своём идеальном состоянии, Поднебесная должна находиться в состоянии «Великой гармонии» (от кит. *датун*) и функционировать в соответствии с идеей конфуцианского порядка.

Для конфуцианского мировосприятия порядок – это главный фактор в функционировании общества. Как и отношения внутри китайского общества, межгосударственные отношения в рамках даннической системы официально подразумевали неравенство и иерархию между его участниками. Отсюда прямо следует, что конфуцианский порядок отрицает равенство и анархию как таковые. Можно констатировать, что «...

¹ Теория международных отношений с китайской спецификой – собирательный термин, обозначающий различные попытки «китаизации» теоретических исследований в области международных отношений в КНР, а также попытки создания собственной «китайской школы» международных отношений. На сегодняшний день можно выделить, как минимум, три основных направления в рамках зарождающейся ТМО с китайской спецификой, лидерами которых являются Цинь Яцин, Янь Сюэтуан и Чжао Тинян. Подробнее см.: [25; 30; 34].

эти отношения неравенства, в глазах учёного-конфуцианца, не похожи на отношения между зверьми в гоббсианских джунглях – равных, но враждебных; не похожи они на отношения людей в локкианском обществе – равных и конкурентных; не похожи они и на отношения в рамках кантианской культуры – равных и дружественных. Скорее, это отношения между отцом и сыновьями в конфуцианской семье – неравные, но благодушные» [24, с. 330].

По мнению китайских международных, философия «тянься» и идея конфуцианского порядка составляют нечто концептуально отличное от того, что является нормой для западного мировоззрения и не объяснимое с позиций западных подходов в ТМО [35]. При этом существуют различные трактовки того, что из себя эта система представляла на самом деле.

Наиболее известной является модель даннической системы Дж. Фабриканка, рассматривавшего взаимоотношения Китайской империи с соседними государствами в формате «цивилизация – варварская периферия» [12]. Международный порядок в Восточной Азии воспринимался им в качестве отражения иерархии внутри китайского сообщества. В рамках данного подхода также подчёркивается культурное превосходство Китая над соседями – письменный язык, организация работы бюрократии и система экзаменов на получение права занимать чиновничью должность заимствовались такими государствами, как Корея и Вьетнам.

Иной вариант – восприятие даннической системы в регионе как организации службы внешних сношений в имперском Китае. Упор делается на изучение институтов, ответственных за бюрократическое сопровождение «даннических отношений», а также ритуалов и процедур, обязательных для осуществления международного сотрудничества Китая и его соседей. Речь, таким образом, идёт о специфическом конфуцианском внешнеполитическом механизме [4, с. 221–223].

Данническая система международных отношений в Восточной Азии рассматривается и с позиций Английской школы в ТМО – в качестве института исторически традиционного международного сообщества в регионе. Й. Чжан считает, что данническая система была основополагающим институтом классического международного порядка в Восточной Азии. Он отмечает, что данническая система как институт олицетворяет наряду с философскими воззрениями также и институциональные практики международного взаимодействия между Китаем и другими участниками Pax Sinica [33, с. 57].

Другой китайский учёный Ф. Чжоу анализирует данническую систему с использованием методов теории игр. Он считает, что она представляла собой систему комплексных динамических взаимодействий, которая была удобна Китайской Империи для поддержания стабильности на своих границах с использованием минимально возможных ресурсов, а для таких китайских соседей, как Вьетнам и Корея – обеспечивала наиболее эффективный способ торговли с Китаем [36, с. 178].

В российской научной среде можно выделить два основных подхода по этому вопросу. Первый сформулирован А. Мартыновым, который проанализировал государственную идеологию Китая – доктрину «мироустроительной монархии». В соответствии с ней император Китая, будучи Сыном Неба, своей благой силой *дэ* преобразовывал варварские народы, которые в свою очередь должны были являться к нему с данью и подношениями, взамен получая официальные титулы. Варваров, не желавших стать подданными и приобщиться к цивилизации, император силой заставлял стать частью Среднего государства, тем самым наводя мир и порядок. Эта концепция полностью исключала равноправные отношения Китая с любыми государствами в Восточной Азии [2, с. 176].

Второй подход к этой проблеме сформулировал М. Крюков, который приводит примеры установления Китаем договорных отношений с соседями в VI–XIII вв. По его мнению, помимо концепции «*мироустроительной монархии*» существовал альтернативный формат взаимоотношений с другими государствами. Он предполагал договорную основу отношений между Поднебесной и другими странами [2, с. 177]. Необходимость в такой форме осуществления международных контактов возникла в периоды упадка Китайской империи и, следовательно, её возможности доминировать в отношениях с другим государством.

Фактически данническая система и практика межгосударственных связей в Восточной Азии сочетала в себе все эти черты. Так, культурное превосходство и притягательность Китайской империи отражались в рецепции письменного языка, формы организации власти в таких странах, как Корея, Вьетнам и Япония. В Китае вопросами приёма «даннических делегаций» и ритуала коленопреклонения и челобитья (коутоу) занималось специальное Ведомство Церемоний (Либу) [3, с. 14–18]. Ритуал коутоу, таким образом, подчёркивал неравенство участников взаимоотношений. Поддержание официальной иерархии действительно было выгодно большинству региональных акторов, а нормы и «правила игры» международного сообщества в регионе существенно отличались от принятых на Западе.

Мы называем классический региональный порядок в Восточной Азии конфуцианским, так как конфуцианское восприятие иерархии отличается от западного. Западные эксперты рассматривают иерархический порядок как систему, в которой государства формально дифференцированы в соответствии с уровнем их мощи [25, с. 73]. Международная иерархия рассматривается также в качестве политической структуры, в рамках которой акторы взаимодействуют по принципу «подчинённый – вышестоящий» [10, с. 440]. Выделяются даже четыре типа «институтов» иерархии в МО: сферы влияния, протектораты, неформальные империи и империи [21]. Однако ни один из этих подходов не рассматривает иерархию с конфуцианских позиций – когда вышестоящий несёт моральный долг перед нижестоящими.

Таким образом, конфуцианский региональный порядок в Восточной Азии базировался на даннической системе, которая во многом определяла региональные «правила поведения» и подчёркивала официальное неравенство участников международных отношений. Преобладающий тип внешнеполитического поведения конфуцианских государств – официальное признание главенствующей роли Китая, принятие многих китайских культурных и социальных норм, развитие региональной торговли и относительно низкое количество военных конфликтов. Этот порядок был весьма стабильным – разрушение традиционных норм внешнеполитического поведения и института даннической системы произошло только во второй половине XIX в под существенным внешним воздействием со стороны Западных колониальных сил.

Характеристика конфуцианского регионального порядка в Восточной Азии

Географические рамки. Конфуцианский порядок в ВА охватывал территорию от Манчжурии на севере, Тихом океане на востоке, Тибетском нагорье на западе и современных Таиланда, Малайзии и Индонезии на юге [12, с. 1–19].

Хронологические рамки. В отличие от Вестфальского порядка в Европе, точкой отчёта которого считается заключённый в 1648 г. Вестфальский мир, в Восточной Азии подобного рода международного согла-

шения, фиксировавшего основные правила и принципы поведения на международной арене, не было. Восприятие китайцами своей страны, как центра Вселенной, окружённой варварами, сложилось в глубокой древности, однако вряд ли можно говорить о действительно функционирующей даннической системе с самого момента зарождения китайской государственности. Корни даннической системы обнаруживаются уже с эпохи Хань (206 г. до н. э. – 222 г. н. э.) [30, с. 36–65]. Дж. Фаирбэнк рассматривает данническую систему в период с 1644 по 1912 гг. Д. Кан определяет следующие хронологические рамки: с 1368 г. (приход к власти в Китае династии Мин) по 1841 г. (первая Опиумная война) [16, с. 15].

Последний вариант определения хронологических рамок представляется наиболее оправданным, особенно в том, что касается конца существования традиционного порядка в регионе. Действительно, Опиумная война вызвала всю цепочку последовавших за ней событий, которые показали, что правила и формы межгосударственного взаимодействия, а главное – региональная архитектура международных отношений в Восточной Азии уже не будут прежними.

Участники. Акторов в рамках традиционного восточноазиатского регионального порядка можно разделить на три группы, в зависимости от уровня рецепции ими китайских культурных норм, частоты отправки даннических миссий «Сыну Неба» и официального признания лидерства Китая в регионе. *Конфуцианское сообщество*, состоящее помимо Китая из Кореи, Вьетнама, Японии и королевства Рюккю, являлось ядром даннической системы. Со стороны Китайской Империи этим странам позволялось совершать большее количество даннических посольств к императорскому двору, что по факту открывало для них выгодные возможности осуществлять торговлю с Китаем. Эти страны также отличались весьма высоким уровнем политической централизации (большим, чем у государств, не входивших в конфуцианское сообщество). Особняком в этой группе стоит Япония, которая будучи активным реципиентом китайской культуры, официально не признавала лидерство Китая в регионе, однако мышление японской элиты долгое время являлось китаецентричным [6, с. 9].

Вторую группу участников составляли *государства Юго-Восточной Азии – мандалы*¹, такие как Бирма и Сиам. Политическая власть в них была значительно менее централизована, чем в конфуцианских государствах. Эти страны также совершали даннические посольства в Китайскую Империю, однако в существенно меньших количествах. Эти государства находились под культурным влиянием не только Китая, но и Индии.

К третьей группе акторов относились *кочевые народы и группы пиратов*. Кочевые народы в гораздо меньшей степени, чем традиционные страны СВА или ЮВА перенимали китайскую культуру и не признавали верховенства Китая над собой. Последнее выражалось в практически постоянной угрозе для китайской безопасности на его северных и западных границах, которая была устранена только после установления Китаем контроля над массивами Тибетского Нагорья и высокогорных хребтов Восточного Тянь-Шаня (современные Синьцзян-Уйгурский автономный район и Тибетский автономный район).

¹ Слово «мандала» переводится с санскрита как «круг». Мандала – это сакральное схематичное изображение, которое используется в индуизме и буддизме. Данный термин применительно к государственному устройству был введен О. Уолтерсом, который сравнил политическое устройство стран Юго-Восточной Азии с системой пересекающихся кругов. На фоне конфуцианских государств отличительно чертой стран ЮВА является значительно меньшая степень централизации власти, отдельные территории могли подчиняться сразу нескольким властям или не подчиняться никому. Подробнее см.: [28]

Разрушение традиционного регионального порядка в регионе произошло не в одночасье. Ключевыми событиями в демонтаже традиционного порядка и установлении западных норм международного взаимодействия являются Опиумные войны (1840–1842 гг.; 1856–1860 гг.), франко-китайская война (1884–1885 гг.), японо-китайская война (1894–1895 гг.) и русско-японская война (1904–1905 гг.). Отличительной чертой столкновения Китая со странами Запада можно назвать то, что Китайская Империя не просто проигрывала эти конфликты (Китай бывал завоёван ранее – монголами и манчжурами), а потеряла свой официальный статус центра региона. Колониальные империи не собирались создавать свою династию в Китае, их «система координат» и ценностей была совершенно иной.

В результате этих конфликтов западные державы вынудили Китай установить официально равные дипломатические отношения со своими бывшими вассалами, в первую очередь – Кореей и Вьетнамом [3, с. 16–20], также от Китая были отторгнуты территории острова Тайвань и Пескадорских островов. Установление официально равных отношений Китая с другими странами региона противоречило действовавшему до этого правилам международного поведения в Восточной Азии. Это стало одним из основных ударов по традиционному региональному порядку и привело к значительному снижению стабильности в регионе.

Можно выделить сразу несколько негативных последствий крушения конфуцианского порядка в Восточной Азии. Во-первых, регион стал ареной военных конфликтов. Опиумные войны и потеря Китаем лидерских позиций в регионе положили начало целой серии вооружённых конфликтов в Восточной Азии второй половины XIX – первой половины XX вв. Ослабевший Китай не мог больше обеспечивать региональную стабильность. Во-вторых, с этого времени в регионе стал наблюдаться существенный рост национализма – в первую очередь японского и китайского. В-третьих, если китайское традиционное лидерство в регионе во многом было формальным и не лишало его вассалов существенной автономии и самостоятельности, то доминирование западных колониальных империй привело к настоящей потере суверенитета для большинства стран региона. Исключением стала Япония, сама вставшая на путь колониальной экспансии, Китай, который был вынужден дать многочисленные концессии иностранным державам, в случае которого можно говорить о частичной потере суверенитета и наступившем «веке унижений», а также Сиамом.

Сравнение европейского и восточноазиатского миропорядка

В данном разделе попытаемся провести сравнение основных аспектов европейского (Вестфальского) и восточноазиатского (конфуцианского) порядка. Проанализируем формальные правила межгосударственного поведения, так и фактическое соотношение сил и возможностей ведущих региональных игроков, а также уровень конфликтности в Западной Европе и Восточной Азии.

С заключением Вестфальского мира в 1648 г. были подорваны официальный статус Священной Римской империи и существовавший до этого времени иерархический порядок в Европе. Если ранее германский император официально считался старшим по рангу среди монархов, то после завершения тридцатилетней войны европейские короли были уравнены в правах с императором. К основным принципам, которые зафиксировал Вестфальский порядок, следует отнести приоритет национального интереса, принцип баланса сил, приоритет государств

– наций, принцип невмешательства во внутренние дела государств и равенство прав государств. При этом, новые «правила игры» не отменяли, а разрешали войны (в том числе и захватнические) – начало и ведение войны было отнесено к законному праву суверенного государства [5].

Для Восточной Азии, как уже было отмечено выше, данные принципы были не характерны. Китайский император стоял выше любого другого монарха в регионе, а получение инвеституры от «Сына Неба» способствовало также и легитимизации местных ванов¹. Принятие этого титула укрепляло статус правителя внутри страны и в международных делах, открывало право обратиться к Китаю за военной помощью в подавлении восстания или защиты от внешнего агрессора. Нахождение в данной системе Китайской империи гарантировало защиту от военного вторжения и установления реальной зависимости. Соответственно, не было ничего похожего на официальный принцип равенства государств, а наоборот – региональные игроки имели разный статус, иерархия была формализована и устраивала большинство государств региона.

Однако, для того чтобы детально говорить об исторических отличиях традиционного международного порядка в ВА, необходимо учитывать не только идеологемы и философские идеи, лежащие в основе европейской и восточноазиатской моделях международных отношений. Важным представляется анализ и сравнение материальных и квантифицируемых факторов, таких как соотношение демографического и экономического потенциала региональных акторов, количество военных конфликтов между ними, стабильность или же активное изменение государственных границ в регионе. Рассмотрев их, мы сможем подтвердить, либо опровергнуть тезис о специфике традиционного регионального порядка в Восточной Азии.

Для этого сравним Восточную Азию и Европу по вышеуказанным показателям на момент 1820 г. Данная дата используется по двум причинам: первая – имеются статистические данные по размерам населения и ВВП как в странах Европы, так и в странах Восточной Азии (использовались данные и соответствующая методология экономиста А. Мэддисона [9; 22, с. 169–267]), вторая – это даст возможность «посмотреть» на ситуацию в традиционной Восточной Азии незадолго до Опиумных войн и крушения даннической системы в регионе.

Для такого сравнения используем данные по размерам населения и ВВП крупнейших государств Европы и Восточной Азии. На диаграммах 1 и 2, по оси Y указывается размер населения стран (в млн. человек), по оси X – размер ВВП (исчисленный в тысячах международных долларов²). Соответственно, чем более равномерно и близко друг к другу будут располагаться государства в полученных диаграммах, тем правдивее будет тезис о равенстве государств. В противоположном случае можно констатировать верификацию тезиса о неравенстве государств на международной арене не только на уровне идеи или концепции, но и на уровне объективных материальных факторов.

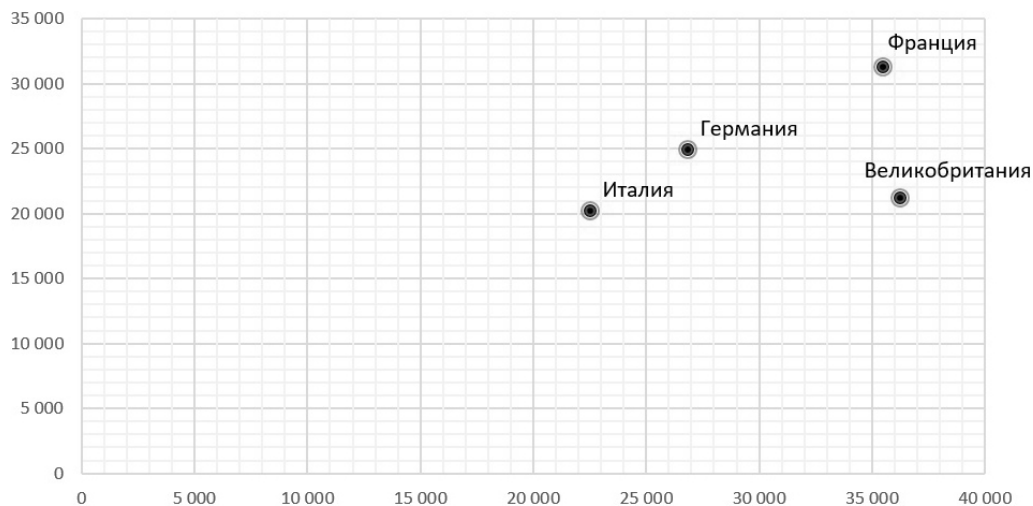
Рассмотрим полученные результаты. Мы видим, что в Европе идея о равенстве государств находит своё воплощение в объективной реальности. Ведущие европейские державы действительно были практически равны по ключевым показателям. Соответственно, логичной была идея об их равенстве. С другой стороны, обладая примерно одинаковыми ре-

¹ Ван – титул правителя в конфуцианских государствах Восточной Азии. Соотношение статуса титулов «Император-Ван» в Восточной Азии можно сравнивать с соотношением титулов «Император-Король» в Западной Европе.

² Международный доллар – это условная расчетная единица, которая используется при сравнении макроэкономических показателей разных стран. Эта система расчетов используется такими международными организациями, как МВФ и Всемирный Банк.

Диаграмма 1.

Демографический и экономический потенциал государств Европы в 1820 г.

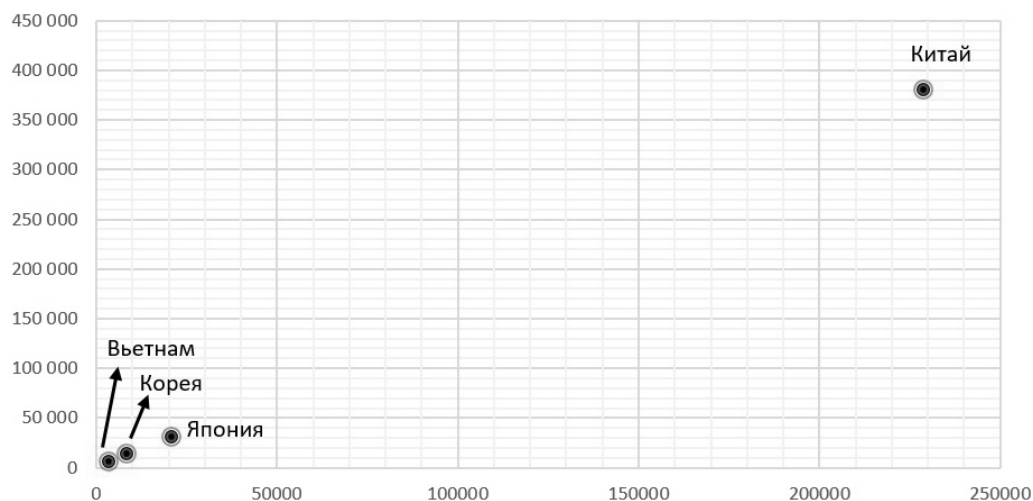

Источник: Составлено автором на основе: [9]; [22].

сурсами, крупнейшие европейские страны обладали самой возможностью бороться друг с другом за лидерство в регионе (что подтверждается статистикой по количеству вооружённых конфликтов). При этом формирование коалиции для уравнивания, страны, бросающей вызов остальным, является логичным и оправданным в рамках такой ситуации даже с учётом только количественных показателей, что делало логичным политику баланса сил.

Диаграмма 2.

Демографический и экономический потенциал государств ВА в 1820 г.

Источник: составлено автором на основе: [9]; [22].

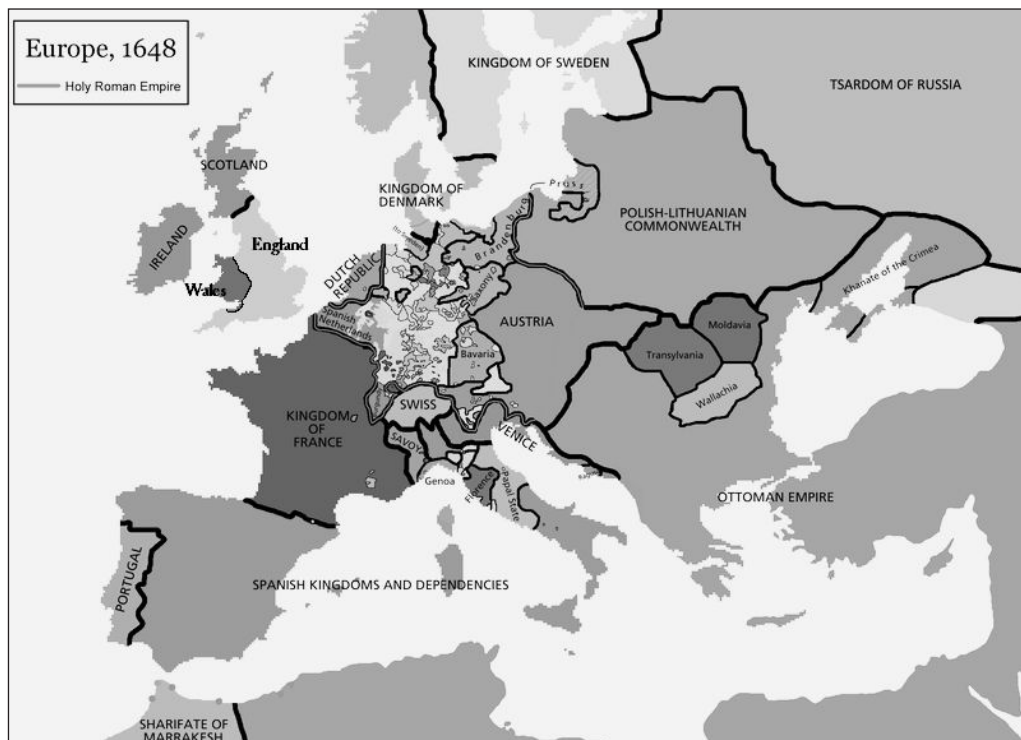

Рис. 1. Политические границы в Европе в 1648 г.

Источник: [31].

Ситуация в Восточной Азии выглядит совершенно иначе. Если продолжать аналогию, что государства на международной арене «сталкиваются между собой как бильярдные шары» [27, с. 19], то мы вынуждены признать, что в Восточной Азии речь идёт о «шаре для боулинга» среди «бильярдных шаров». Китайская Империя в разы превосходила своих соседей вместе взятых, как по размеру территории, так и по размеру национальной экономики и населения. В этом ракурсе, идея о неравенстве государств выглядит совершенно логичной и оправданной. Логичным представляется и отсутствие коалиций против Китая – так как даже объединённые силы его соседей были бы значительно слабее, политика баланса сил в таком случае выглядит совершенной бессмысленной. Абсолютно обоснованным представляется тезис упомянутого нами Ф. Чжоу, утверждавшего, что данническая система в регионе была удобна как для самого Китая, так и для его соседей. Отмечаем также, что многие государства Западной Европы обладали примерно одинаковой по размерам территорией. В случае Восточной Азии Китайская империя также существенно выделяется на общем фоне, так её размеры превышают совокупную территорию других восточноазиатских государств.

Политическая карта, представленная на рис. 1, показывает нам, что из себя представляла Вестфальская Европа в первые годы после окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира. Мы можем наблюдать большое количество региональных государств (особенно, если учитывать государственные образования, появившиеся на обломках Священной Римской империи). Крупнейшие государства располагают сопоставимыми территориями, в первую очередь – это Испания, Франция, Австрия, Швеция.

Рис. 2. Политические границы в Европе в 1841 г.
 Источник: [32].

Карта 1841 г. показывает нам произошедшие изменения. Мы видим, что в Европе появились новые государства. При этом европейские государства с 1648 г. перестали существовать. У некоторых существенно изменились границы. В большинстве случаев изменения границ между странами, а также поглощение одних государств другими происходило в результате военных конфликтов. Сравнивая Европу (прежде всего – Западную) 1648-го и 1841-го гг., мы видим, что государства в регионе действительно сталкивались между собой подобно «бильярдным шарам».

Рассмотрим политическую карту Восточной Азии, на которой отображается ситуация 1648-го года. Среди классических государственных образований (исключая, таким образом, монголов как кочевников) Китайская империя разительно отличается от всех остальных своими размерами. Ситуация, которой не было в Европе (на замечание о том, что в Европе была Россия, превосходившая остальные государства, отметим, что Россия на тот момент все-таки находилась на периферии европейских взаимоотношений, тогда как Китай – находился в самом центре).

Рис. 3. Политические границы в Восточной Азии в 1648 г.

Источник: [32].

Политическая карта, показывающая нам Восточную Азию в 1841-м году также показательна. Мы видим, что границы Китая с такими конфуцианскими государствами как Вьетнам и Корея остались, в основном, прежними. Ключевое изменение – экспансия Китая на западном направлении. Как уже было отмечено в предыдущих разделах, во многом она была вызвана необходимостью обеспечения безопасности западных рубежей Поднебесной от набегов со стороны кочевых народов, не собиравшихся встраивается в китаецентричный порядок. Основные границы в регионе, таким образом, настолько существенных изменений как в Европе не претерпели.

Исходя из данных *Таблицы 1*, мы видим, что ключевые военные столкновения с участием Китая были в случаях борьбы с кочевниками и пиратскими группами. Военные столкновения с другими конфуцианскими государствами составляют ничтожную часть от общего числа конфликтов. При этом только с 1492 по 1839 гг. можно выделить, по меньшей мере, 27 военных конфликтов, то есть более чем в два раза, превышающее количество основных конфликтов в Восточной Азии [19, с 73–74].

Заклучение

К настоящему времени уже были предприняты попытки связать исторические особенности международного порядка в Восточной Азии

Рис. 4. Политические границы в Восточной Азии в 1841 г.
Источник: [32].

и науку о международных отношениях. Однако для нас представляется важным не то, в какой мере возможно восстановление иерархического порядка в регионе, тем более что об этом уже достаточно подробно написано [4; 14], а поставить вопросы и сформулировать промежуточные выводы, имеющие актуальность и определённую значимость в рамках ТМО.

Во-первых, «анархофилия» (термин Б. Бузана и Р. Литтла) [11, с. 206–207], т.е. тенденция рассматривать международные отношения исключительно сквозь призму международной анархии, существенно ограничивает возможный инструментарий эксперта международных отношений, особенно при анализе международных отношений за пределами Евроатлантики. Международную анархию можно рассматривать в качестве элемента Вестфальского миропорядка, который был «растиражирован» из Европы на другие регионы мира в процессе колониальной экспансии. При этом в случае «подъёма Азии» и относительного ослабления позиций Западных держав на международной арене, возможен и своеобразный ренессанс незападных норм в международных отношениях.

Во-вторых, анализ даннической системы и международной иерархии может стать одним из «больших вопросов» в рамках китайской школы в ТМО. Например, в рамках английской школы «большим вопросом» выступает тема изучения международного общества. Наличие таких «больших вопросов» представляется чрезвычайно важным для

Таблица 1.
Военные столкновения с участием Китая в Восточной Азии (1368–1841)

Тип противника	Количество столкновений	Процент от общего числа конфликтов
Кочевники	252	75.00
Группы пиратов вако	60	17.86
Конфуцианские государства	12	3.57
Прочие государства	12	3.57
Всего	336	100.00

Источник: [16, с. 91]

становления новой парадигмы в ТМО [24, 326–329]. При этом, анализ возможных вариантов международной иерархии является менее «китаеццентричным», чем «большой вопрос» о возможности мирного возвышения Китая, который уже называется в качестве центрального для дальнейшего развития китайской парадигмы [29, с. 199–223] и может рассматриваться с позиций других парадигм.

В-третьих, концепция даннической системы и международной иерархии может быть использована при изучении моделей лидерства великих держав, например отношений СССР и стран Восточного блока, а также США и их сателлитов. Так, уже была предпринята попытка перенести модель даннической системы на анализ взаимоотношений США со своими союзниками и партнёрами [14]. Лидерство США в западном мире сравнивается с лидерством Китайской империи в традиционной ВА. При этом степень принятия норм либеральной демократии рассматривается аналогично степени «цивилизованности» государств в китаеццентричном международном порядке ВА, а государства, выбирающие иной путь развития, являются «варварами» XXI в. – на них навешиваются ярлыки: «ось зла», «государства изгой» и т.д. Отсутствие военных конфликтов между развитыми демократиями в «американской даннической системе» в соответствии с теорией демократического мира в таком случае выглядит аналогичным мирному характеру отношений между конфуцианскими государствами в ВА до Опиумных войн.

В-четвёртых, возможно рассмотрение роли китайского лидерства в обеспечении мирного характера межгосударственных отношений в классической ВА как региональное подтверждение теории гегемонистской стабильности, в рамках которой обычно речь чаще всего идёт о США [20]. В данном случае, опора на незападный исторический опыт выступает в качестве дополнительного аргумента в поддержку валидности этой концепции.

Таким образом, изучение особенностей традиционного регионального порядка в Восточной Азии может быть полезным для современных исследований в области международных отношений. Этот вопрос представляется важным как в рамках зарождающейся китайской школы в ТМО, так и в уже сложившихся западных теоретических школах.

Литература

1. Богатуров А.Д. Международный порядок в наступившем веке // *Международные процессы*. 2004. № 3 С. 6–23.
2. Гончаров С.Н. Две традиции в дипломатии. // *Духовная культура Китая: энциклопедия*. В 5 т. Т. 4. Философия / ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзев, А.Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2009.
3. Забровская Л.В. Китайский миропорядок в Восточной Азии и формирование межгосударственных границ / Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2000 92 с.
4. Корсун В.А. Внешнеполитический механизм с «китайской спецификой» // *Вестник МГИМО-Университета*. 2010 № 1. С. 221–236.
5. Кортунов С.В. Крушение Вестфальского мира и становление нового миропорядка // *Безопасность Евразии*. 2007 № 4. С. 230–261.
6. Совастеев В.В. Геополитика Японии с древнейших времен до наших дней / Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2009. 132 с.
7. Acharya A. Will Asia's Past Be Its Future? // *International Security* 2004. Vol. 28 № 3 P. 149–164.
8. Bennett S., Stam A. *The Behavioral Origins of War*. / University of Michigan Press 2003. 280 p.
9. Bolt, J. and J. L. van Zanden (2014). The Maddison Project: collaborative research on historical national accounts // *The Economic History Review* 2014. Vol.67. № 3. P. 627–651.
10. Buzan B., Little R. *International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations* / Oxford: Oxford University Press. 2000. 472 p.
11. Buzan B., Little R. *International systems in world history: remaking the study of international relations* / in: Hobden S., Hobson J. *Historical Sociology of International Relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002 328 p.
12. Fairbank J. *The Chinese World Order* / Cambridge, M.A.: Harvard University Press. 1968. 434 p.
13. Feng Z. Rethinking the 'Tribute System': Broadening the Conceptual Horizon of Historical East Asian Politics // *The Chinese Journal of International Politics* 2009. Vol. 2. № 4. P. 545–574.
14. Foong Khong Y. The American Tributary system // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. P. 1–47.
15. Friedberg A. Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in a Multipolar Asia // *International Security*. Vol. 18. No. 3 (Winter, 1993–1994), P. 5–33.
16. Kang D. *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute* / New York: Columbia University Press. 2012. 240 p.
17. Kang D. Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // *International Security*. – 2003. Vol. 27. № 4. P. 57–85.
18. Kang D. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia // *Security Studies*. 2010. Vol. 19. № 4. P. 591–622.
19. Kang D. Hierarchy in Asian International Relations: 1300 – 1900 // *Asian Security*. 2005. Vol.1. No. 1. P. 53–79.
20. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy* / Princeton: Princeton University Press. 2005. 320 p.
21. Lake D. Beyond Anarchy: The importance of Security Institutions // *International Security*. 2001. No. 1. P. 129–160.
22. Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective* / Paris: OECD. 2001. 388p.
23. Mearsheimer J. *The tragedy of great power politics* / New York: W.W. Norton & Company. 2014. 592 p.
24. Qing Y. Why there is no Chinese International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. № 3. P. 313–340.

25. Waltz K. Political structures / in: Keohane R. Neorealism and Its Critics. – New York: Columbia University Press. 1986. 378 p.
26. Waltz K. Theory of International Politics / Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
27. Wolfers A. Discord and Collaboration / Baltimore, Md.: John Hopkins University Press. 1962. 303 p.
28. Wolters O. History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives / New York: Cornell Southeast Asia Program Publications. 1999. 275p.
29. Yan X. Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power / Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2011. 311 p.
30. Yu Y. Trade and Expansion in Han China: a Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations / Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1967. 266 p.
31. Wikimedia map of Europe 1648 // The Wikimedia Commons [Электронный ресурс]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Europe_map_1648.PNG (дата обращения: 10.02.2016 г.).
32. World History Atlas & Timelines since 3000 BC // Geacron [Электронный ресурс]. URL: <http://geacron.com> (дата обращения: 10.02.2016).
33. Zhang Y. System, Empire and State in Chinese International Relations // Review of International Studies. 2001. № 5. P. 43 – 63.
34. Zhang Y., Buzan B. The Tributary System as International Society in Theory and Practice // The Chinese Journal of International Politics. 2012. Vol. 5. № 1. P. 3–36.
35. Zhao T. Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-heaven' // Social Identities. 2006. Vol.12. № 1. P. 29–41.
36. Zhou F. Equilibrium Analysis of the Tributary System // The Chinese Journal of International Politics. 2011. Vol. 4. № 2. P. 147–178.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Bogaturov A.D. Mezhdunarodnyj poryadok v nastupivshem veke // Mezhdunarodnye protsessy. 2004. № 3 S. 6–23.
2. Goncharov S.N. Dve traditsii v diplomatii. // Dukhovnaya kul'tura Kitaya: ehntsiklopediya. V 5 t. T. 4. Filosofiya / red. M.L. Titarenko, A.I. Kobzev, A.E. Luk'yanov. M.: Vost. lit., 2009.
3. Zabrovskaya L.V. Kitajskij miroporyadok v Vostochnoj Azii i formirovanie mezhdgosudarstvennykh granits / Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 2000 92 s.
4. Korsun V.A. Vneshnepoliticheskij mekhanizm s «kitajskoj spetsifikoj» // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010 № 1. S. 221–236.
5. Kortunov S.V. Krushenie Vestfal'skogo mira i stanovlenie novogo miroporyadka // Bezopasnost' Evrazii. 2007 № 4. S. 230–261.
6. Sovasteev V.V. Geopolitika YАponii s drevnejshikh vremen do nashikh dnei / Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 2009. 132 s.
7. Acharya A. Will Asia's Past Be Its Future? // International Security 2004. Vol. 28 № 3 P. 149–164.
8. Bennett S., Stam A. The Behavioral Origins of War. / University of Michigan Press 2003. 280 p.
9. Bolt, J. and J. L. van Zanden (2014). The Maddison Project: collaborative research on historical national accounts // The Economic History Review 2014. Vol.67. № 3. R. 627–651.
10. Buzan B., Little R. International Systems in World History: Remaking the Study of International Relations / Oxford: Oxford University Press. 2000. 472 p.
11. Buzan B., Little R. International systems in world history: remaking the study of international relations / in: Hobden S., Hobson J. Historical Sociology of International Relations. Cambridge: Cambridge University Press. 2002 328 p.

12. Fairbank J. *The Chinese World Order* / Cambridge, M.A.: Harvard University Press. 1968. 434 p.
13. Feng Z. Rethinking the 'Tribute System': Broadening the Conceptual Horizon of Historical East Asian Politics // *The Chinese Journal of International Politics* 2009. Vol. 2. № 4. P. 545–574.
14. Foong Khong Y. The American Tributary system // *The Chinese Journal of International Politics*. 2013. P. 1–47.
15. Friedberg A. Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in a Multipolar Asia // *International Security*. Vol. 18. No. 3 (Winter, 1993–1994), P. 5–33.
16. Kang D. *East Asia Before the West: Five Centuries of Trade and Tribute* / New York: Columbia University Press. 2012. 240 p.
17. Kang D. Getting Asia Wrong: The Need for New Analytical Frameworks // *International Security*. – 2003. Vol. 27. № 4. P. 57–85.
18. Kang D. Hierarchy and Legitimacy in International Systems: The Tribute System in Early Modern East Asia // *Security Studies*. 2010. Vol. 19. № 4. P. 591–622.
19. Kang D. Hierarchy in Asian International Relations: 1300 – 1900 // *Asian Security*. 2005. Vol.1. No. 1. P. 53–79.
20. Keohane R. *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy* / Princeton: Princeton University Press. 2005. 320 p.
21. Lake D. Beyond Anarchy: The importance of Security Institutions // *International Security*. 2001. No. 1. P. 129–160.
22. Maddison A. *The World Economy: A Millennial Perspective* / Paris: OECD. 2001. 388p.
23. Mearsheimer J. *The tragedy of great power politics* / New York: W.W. Norton & Company. 2014. 592 p.
24. Qing Y. Why there is no Chinese International Relations Theory? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2007. Vol. 7. № 3. P. 313–340.
25. Waltz K. *Political structures* / in: Keohane R. *Neorealism and Its Critics*. – New York: Columbia University Press. 1986. 378 p.
26. Waltz K. *Theory of International Politics* / Reading, MA: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
27. Wolfers A. *Discord and Collaboration* / Baltimore, Md.: John Hopkins University Press. 1962. 303 p.
28. Wolters O. *History, Culture, and Region in Southeast Asian Perspectives* / New York: Cornell Southeast Asia Program Publications. 1999. 275p.
29. Yan X. *Ancient Chinese Thought, Modern Chinese Power* / Princeton and Oxford: Princeton University Press. 2011. 311 p.
30. Yu Y. *Trade and Expansion in Han China: a Study in the Structure of Sino-Barbarian Economic Relations* / Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1967. 266 p.
31. Wikimedia map of Europe 1648 // The Wikimedia Commons [EHlektronnyj resurs]. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Europe_map_1648.PNG (data obrashheniya: 10.02.2016 g.).
32. World History Atlas & Timelines since 3000 BC // Geacron [EHlektronnyj resurs]. URL: <http://geacron.com> (data obrashheniya: 10.02.2016).
33. Zhang Y. System, Empire and State in Chinese International Relations // *Review of International Studies*. 2001. № 5. P. 43 – 63.
34. Zhang Y., Buzan B. The Tributary System as International Society in Theory and Practice // *The Chinese Journal of International Politics*. 2012. Vol. 5. № 1. P. 3–36.
35. Zhao T. Rethinking Empire from a Chinese Concept 'All-under-heaven' // *Social Identities*. 2006. Vol.12. № 1. P. 29–41.
36. Zhou F. Equilibrium Analysis of the Tributary System // *The Chinese Journal of International Politics*. 2011. Vol. 4. № 2. R. 147–178.